

БЕЗДЕНЕЖЬЕ

I

*Когда товар бывает дешевле: когда его находится слишком мало
или слишком много?*

По этому головоломному вопросу не имеют никаких сомнений простые люди: мужики, мещане, канцелярские чиновники, кухарки, хозяйки небогатых семейств и т. д. и т. д. Сидишь, бывало, поутру за чаем и слушаешь разговор старших родственников, возвратившихся с рынка, и их знакомых, завернувших к ним отогреться после двухчасовых поисков дешевой провизии на рынке. «Мало нынче было подвезено дров, и приступу к ним нет: ломят по два рубля (ассигнациями) за воз». — «Вот то-то и есть, пропустили вы прошлую среду: покупали по рублю за воз; а я вам говорил тогда, берите, такого большого подвозу не будет после». — «Думала, батюшка, что навезут еще больше, и куплю по 80 копеек». На другое утро сидишь, бывало, опять за чаем, и опять слышишь такой же разговор: «Уж сколько нынче навезли сена, просто ужас, — ну и покупали дешево: я взяла три воза за пять рублей». — «А я, матушка, в прошлую пятницу заплатил за один воз четыре рубля, потому что очень мало сена было привезено». Такие разговоры слушаешь, бывало, изо дня в день, и слушаешь по целым долгим годам. Однообразно и потому скучновато; но очень полезно.

В самом деле, человеку, прослушавшему в детстве за чаем такой курс живой экономической мудрости, совершенно ясно и неопровержимо все дельное и справедливое в книжной ученой политической экономии. Его уже ничем не собьете вы, например, с мысли, что если товар падает в цене, то значит, что количество этого товара слишком велико.

Но кто не знает, как идут экономические дела в самой коренной действительности, в жизни той массы, которая своими руками производит все национальное богатство и хлопочет с утра до ночи, чтобы как-нибудь переколотиться на свете, — кто не узнал

эту жизнь, так что не может забыть о ней, тот почти что ничего не умеет разобрать и в книжной мудрости; отвлеченные понятия и отвлеченные статистические цифры вертятся у него в голове, складываясь и раскладываясь по прихотям фантазии и производя всякую любую путаницу, какую только захочется ему сочинить из них¹. К вопросу о дороговизне вещей и упадке ценности денежных знаков эти мудрецы приступают, например, таким манером:²

«Все жалуются на дороговизну вещей, которая с ученой точки зрения должна быть названа понижением цены денежных знаков сравнительно с общею массою товаров. Но можно ли объяснять этот упадок излишним увеличением количества денежных знаков, находящихся в обращении? В таком-то году, когда ценность денежных знаков не находилась в упадке, Россия имела в обращении столько-то миллионов звонкой монеты, столько-то миллионов кредитных билетов, столько-то миллионов процентных билетов разных кредитных учреждений и других бумаг, заменявших собою деньги; итого было у нас тогда, — в каком-нибудь 1850 или 1852 году, столько-то миллионов денежных знаков. Ныне находится в обращении по каждому из этих разрядов столько-то миллионов, итого сумма всех денежных знаков, находящихся в обращении, составляет столько-то миллионов. Из этого мы видим, что...»

Тут разногласие между мудрецами, потому что видны по их расчетам оказываются вещи, совершенно разные: одним видно, что сумма денежных знаков, находящаяся ныне в обращении, меньше той, какая была прежде; другим видно, что она равна ей; третьим видно, что она несколько больше, но не настолько, насколько увеличился размер торговых и промышленных оборотов нашего общества за последние годы; эти противоречащие очевидности нимало не мешают всем трем партиям мудрецов после своего небольшого разногласия в очевидности снова сойтись в общем выводе, и они в один голос заключают:

«Из этой очевидности (которая по одним состоит в том, что количество денежных знаков увеличилось, а по другим — в том, что оно уменьшилось) столь же очевидно следует, что количество денежных знаков, находящихся ныне в обращении у нас, недостаточно при громадном развитии наших производительных сил в последние годы и при возникшем из того огромном увеличении торговых сделок в стране. Действительно, если предположим, что сумма этих оборотов удвоилась, то не очевидно ли, что недостаточна стала для их совершения масса денежных знаков, не превышающая или мало превышающая ту, которая находилась в прежнее время при размере оборотов, вдвое меньшем.»

К этому заключению мудрецы сходятся, хотя и расходились по дороге; сходятся потому, что и в мыслях у них было не то,

чтобы держаться прямого пути, а только чтобы какими бы то ни было изворотами дойти до такого результата.

Соединившись тут во взаимных объятиях, они продолжают в один голос: «вывод, нами сделанный из сравнения нынешней суммы денежных знаков с бывшею прежде у нас, получает еще более осязательности, если мы просто сравним количество настоящих денег в тесном смысле этого слова с числом нашего населения. Звонкой монеты у нас теперь так мало, что не стоит и считать ее; кредитных билетов находится в обращении около 700 миллионов³, а население Российской империи составляет около 70 миллионов человек⁴; стало быть, на каждого жителя империи приходится средним числом всего по 10 руб. монеты. Не очевидно ли, что эта цифра слишком мала. Из этого очевидно, в чем находится причина промышленных, торговых и финансовых наших затруднений: денежных знаков слишком мало; ясно и средства устранить все затруднения: надобно увеличить количество денежных знаков. Каким способом увеличить его, тоже ясно: золото и серебро нельзя производить силою одного желания, значит, нечего и хлопотать о звонкой монете, а надобно пособить горю, выпустив еще побольше кредитных билетов и процентных бумаг всякого наименования».

Целых три партии мудрецов пели хором этот прекрасный гимн. Но этих певцов надобно назвать крайними мудрецами; а в противоположность крайним всегда существуют умеренные. Умеренным быть легко во всяком деле: надобно только слушать, что говорят люди, выходящие из каких бы то ни было оснований — справедливых или ложных, все равно — и развивающие свой взгляд по строгой логике, которая приводит их к верным выводам, если основания верны, или к фальшивым, если основания фальшивы, — надобно слушать, что говорят эти люди, и повторять их слова с прибавкою ограничительных оговорок: «есть справедливая сторона в мнении, утверждающем. что...» «Нельзя отчасти не согласиться с тем, что...» и т. д. и т. д.; что же касается до сделанных крайними людьми выводов, то надобно прибавлять к ним замечание в таком роде: «эта мера слишком сильна; к той же цели приведет средство более удобное, — не делать ничего или почти ничего». Владея умением ко всему, что говорится людьми какого бы то ни было взгляда, представлять такие оговорки, вы будете человеком умеренной партии. Так и по вопросу о денежных знаках умеренные мудрецы рассуждали следующим манером, тоже на основании глубоких научных соображений: «Нельзя не признать отчасти справедливым того мнения, что излишества в денежных знаках у нас нет; не лишено некоторого основания даже и то мнение, что количество денежных знаков слишком мало. Но увеличивать эту массу значительным выпуском новых бумажных денег было бы делом рискованным, как и всякая крайняя мера. Делать небольшие выпуски

можно, потому что не окажут они чувствительного влияния; но лучше и того не делать, чтобы курс не падал».

Итак, ничего не делать? О, нет: это самая смертельная обида для умеренных людей — сказать про них, что они не хотят делать ничего или почти ничего; они тотчас же восклицают: «Извольте дослушать, мы еще не развили до конца свой взгляд; у нас также есть своя программа деятельности — конечно, без резких мер, предлагаемых крайними людьми; но в наших мерах, легких и мягких, находится более легкое лекарство от болезней. Есть одно обстоятельство, которого не хотят замечать крайние мудрецы, опровергаемые нами (да где ж вы их опровергаете? Вы только повторяете их слова наполовину; ведь если, например, вместо полного слова «бумага» вы хотите произносить только одну половину его — «бума», то ведь вы не опровергли его, а только отняли у него смысл; если это слово дурно, то и ваше искажение его тоже дурно, с тою только разницею, что вдобавок оно и глупо, чего нельзя сказать о целом слове). Это важное обстоятельство, выставляемое нами на вид, заключается в низком курсе бумажных знаков (да вовсе не вы, о, умеренные мудрецы, выставляете на вид это обстоятельство: его выставляют на вид другие крайние люди, противоположные первым; разница между вами и этими другими крайними людьми та, что они говорят об этом обстоятельстве со смыслом, а вы, но как вы о нем говорите, мы послушаем, продолжайте...). Чем объяснить низкий курс бумажных знаков при неоспоримости (вот уж и неоспоримость! а вы бы просто сказали, что вы не умеете оспорить, — это еще не признак неоспоримости) того факта, что у нас нет излишества или даже есть недостаточность в количестве денежных знаков? Понять это можно только при глубоком изучении великих истин политической экономии (фразы «о глубине изучения, необходимой для...» и т. д. обыкновенно служат признаком, что голова, требующая глубины мыслей, напутала в себе мысли, совершенно не клеящиеся; если, например, вздумая я, что Петербург лежит под тропиками, то действительно потребуются необыкновенно глубокие соображения, чтобы объяснить, почему в Петербурге такой холодный климат; а и вся-то надобность в глубокомыслии произошла оттого, что взял я правду, что в Петербурге холодно, да взял вздор, будто Петербург лежит под тропиками, спутал эту правду с этим вздором, да и хочу, чтобы они ужились вместе). Благодаря исследованиям Рикардо, доказано, что курс бумажных денег⁵ не может держаться без обмена на звонкую монету (о, умеренные мудрецы! Рикардо вовсе не то доказывал. Тут и доказывать-то нечего; умному человеку, каков был Рикардо, нечего было размышлять над такими вопросами), — и теперь навсегда опровергнуты теории утопистов, утверждавших противное. (Умеренные мудрецы при всяком случае так заденут утопистов, теории которых состоят совершенно

в ином, чем полагают умеренные мудрецы, и которые по вопросам о денежном обращении ни на один волос не отступают от Рикардо.) Итак, для восстановления курса бумажных денег надобно только восстановить размен их на звонкую монету. Так как их количество не чрезмерно, то и к размену будет представлена лишь самая незначительная часть их, — так сказать, только для пробы, в самом ли деле станут разменивать; а как только увидят люди, что в самом деле размениваются их бумажные деньги на звонкую монету, то и перестанут представлять их к размену: зачем, дескать, ведь теперь уже это — верный капитал, все равно что золото. Из этого следует, что при нынешнем состоянии разменного фонда государственного банка⁶ можно восстановить обмен кредитных билетов на звонкую монету, и этим все дело будет улажено. Курс поднимется, торговля восстановится, промышленность оживится, и, вероятно, даже процветут, как в старые, блаженные годы, наши акционерные общества»⁷.

Сладки словеса умеренных мудрецов: по щучьему веленью, по Иванушкину прошенью окажись разменный фонд достаточным для восстановления курса, процвети торговля и промышленность. — Приятны и слова крайних мудрецов: ну-ка с богом, щелкайте, станки, печатайте побольше кредитных билетов, и все пойдет как по маслу. Но вот, — картина, достойная Дантовой кисти, — что это за лица — исхудалые, зеленые, с блуждающими глазами, с искривленными злобной улыбкой ненависти устами, с невымытыми руками, с скверными сигарами в зубах? ⁸ Это — нигилисты, изображенные г. Тургеневым в романе «Отцы и дети». Эти небритые, нечесанные юноши отвергают все, все: отвергают картины, статуи, скрипку и смычок, оперу, театр, женскую красоту, — все, все отвергают, и прямо так и рекомендуют себя: мы, дескать, нигилисты, все отрицаем и разрушаем. Что то скажут они о выслушанных нами теориях умеренных мудрецов и крайних мудрецов?

Они скажут вот что: вспомните, читатель, простые житейские факты, свидетелем которых были вы с самого детства. Вспомните разговоры вашего отца, дяди, бабушки о дороговизне и дешевизне сена и дров; если ценность вещи упала, значит, что количество этой вещи сделалось больше, чем при каком она может сохранять свою прежнюю ценность⁹. Курс бумажных денег упал, — при этом факте уже не нужны никакие другие изыскания и против него невозможны никакие возражения. Он сам по себе полнейшее и очевиднейшее заявление тому, что выпущенное количество бумажных денег слишком велико.

Положим, что мои векселя падают в цене. Из этого уже ясно, что я надавал векселей больше, чем следовало. Тут нечего сравнивать их прежнее количество с нынешним. Пусть прежде масса денежных знаков была больше нынешней; но если тогда курс кредитных билетов и других бумаг не падал, это значит, что

тогда в обращении находилось не больше денежных знаков, чем следовало. Пусть нынешняя сумма денежных знаков меньше прежнего; но если курс бумажных денег падает, это все-таки значит, что количество их чрезмерно велико. Время на время не приходит. Количество, не бывшее чрезмерным прежде, может оказываться чрезмерным ныне. Пока не было железной дороги из Петербурга в Москву, по шоссе между этими городами содержалось, быть может, 100 тысяч лошадей; и если цена этих лошадей не падала, то, значит, их было не больше, чем нужно. Теперь, быть может, осталось всего 10 тысяч лошадей на этом шоссе¹⁰, и все-таки это количество чрезмерно, если цена их упала. Что тут будете вы рассуждать об увеличившемся движении проезжих и товаров между Петербургом и Москвой; пусть оно и увеличилось, но если цена лошадей упала, значит все-таки, что цена эта упала и что ямщики на шоссе должны не увеличивать, а уменьшать число своих лошадей.

Что еще рассуждаете вы о пропорции между количеством кредитных билетов и количеством населения? Припомните рассказы о дровах и сене. Если возы дров стоят на рынке по целой неделе, то семь десятков возов на рынке будут означать собою меньший размер рыночных оборотов, чем 20 возов в такое время, когда больше одного дня не стоит воз на рынке. По 20 возов в день, — ведь это составит 140 возов в неделю; а 70 возов в неделю дают только по 10 возов на день. Значит, иной рынок, на котором в каждое данное время находится только по 20 возов дров, достаточен на поддержание экономических отправлений в количестве печей, вдвое большем того, какое едва поддерживается в исправности другим рынком, постоянно имеющим 70 возов дров. Понятно или нет? Просто или нет?

Сколько нужно мне иметь наличных денег в кармане, чтобы круглый год был у меня на столе чай и поутру и вечером? Как вам это сказать? Да ведь это совершенно нельзя определить. Голова сахару стоит рублей 5 да фунт чаю рубль 3; значит, 10 рублей за-глаза довольно, чтобы войти в магазин и запастись чаем и сахаром. Легко обойтись и гораздо меньшим количеством наличных денег: $\frac{1}{2}$ ф. чая и 5 ф. сахара все еще порядочный запас. Его купить можно на 3 рубля. Значит, человек, у которого никогда не будет в наличности за один раз больше 10 рублей, может постоянно пить чай, лишь бы эта маленькая наличность в его кармане быстро возобновлялась. Положим, она возобновляется каждый день. Тогда, получая и расходуя по 10 рублей в день, я буду проживать в год 3650 рублей, т. е. буду совершать торговые сделки на эту сумму в течение года. Но если я получаю деньги только один раз в месяц по 100 рублей, то хотя наличность и бывает у меня тут гораздо больше, чем в первом случае, а все-таки в год получу я только 1200 рублей и в течение года сделаю покупок втрое меньше, чем в первом случае. Тут шутя

стану я порядком экономничать на чае и сахаре; иной раз будет у меня в кармане и 25-рублевая бумажка, а я стеснюсь позвать себе приятеля на стакан чаю. А что, если я получаю деньги один раз в год по 300 рублей? Наличность тут бывает иногда у меня очень солидная; а все-таки большую часть дней в году останусь я без чаю и без сахара.

Понятно ли, в чем штука? Штука не в том, по сколько денег бывает у меня в кармане за один раз, а в том, каков мой годовой доход. Положите, что красненькая бумажка за № 12 345 678 возвращается ко мне в карман 350 раз в год; значит, я с одной этой бумажкой буду жить так, как живут люди, имеющие более 3 500 дохода. А если бумажки в кармане у меня перебивают и разных номеров, и разных цветов¹¹, существенной разницы тут не будет.

Итак, сколько же бумажек нужно человеку, чтобы жить в порядочной квартире, иметь сносный стол и пр., и пр., как имеют люди, проживающие более 3000 рублей в год? Сколько нужно ему наличных денег, этого нельзя сказать, а можно только сказать, что в год он должен прожить более 3000 рублей.

Не угодно ли теперь вместо одного человека взять целый народ, положим, хоть русский народ. Вы говорите, что в каком-нибудь 1850 году было у нас денежных знаков, положим, на 1400 миллионов¹²; а вся сумма продаж и покупок всей нации простиралась в том году до 7000 миллионов. А теперь, говорите вы, сумма продаж и покупок доходит до 10 000 миллионов, а денежных знаков находится в обращении только на 1250 миллионов¹³; значит, денежных знаков мало, говорите вы; по пропорции 1850 г., когда денежных знаков было ни много, ни мало, а в самую пору, нужно было бы теперь на 2000 миллионов денежных знаков. Нет, глубокомысленные мудрецы, вовсе не значит. Рассуждение надобно начинать вовсе не с того конца, а вот с какого. Если в 1850 г. при количестве денежных знаков 1400 миллионов не оказывалось излишества в денежных знаках, а сумма торговых сделок простиралась только до 7000 миллионов рублей, это значит, что каждый рубль денежных знаков переходил тогда из рук в руки средним числом 5 раз в год. Как составлялась эта сумма переходов, все равно, — быть может, вот так:

400 миллионов лежали неподвижно, не сделали ни одной покупки; значит и считать нечего; значит, в сумме оборотов они составляли	0 000 мил.
500 миллионов перешли из рук в руки по 4 раза; значит, сделали покупок на	2 000 »
500 миллионов перешли из рук в руки по 10 раз; значит, сделали покупок на	5 000 »
<hr/>	
1 400 миллионов сделали оборотов на	7 000 мил.

А может быть, движение было совсем другое; например:

700 миллионов лежали неподвижно, значит, произвели покупок на	0 000 мил.
---	------------

300 миллионов перешли из рук в руки по одному разу и сделали покупок на	0 300 мил.
200 миллионов перешли из рук в руки по 6 раз и сделали покупок на	1 200 »
100 миллионов перешли из рук в руки по 10 раз и сделали покупок на	1 000 »
50 миллионов перешли из рук в руки по 20 раз и сделали покупок на	1 000 »
50 миллионов перешли из рук в руки по 70 раз и сделали покупок на	3 500 »
<hr/>	
1 400 миллионов сделали оборотов на	7 000 мил.

А что, если было в самом деле так, как во 2 примере? Ведь тогда пустая сумма 50 мил. рублей исполнила половину работы, а целая половина рублей лежала на боку. И если бы еще другие 50 мил. начали работать так же усердно, как наиболее отличившиеся их товарищи? Тогда ведь всем другим работавшим 600 миллионам пришлось хоть отправляться набоковую к своим товарищам сонным 700 миллионам.

Ну, а что, если бы эти сонные 700 миллионов вдруг проснулись, да и начали работать не хуже наиболее отличившихся? Ведь, начав хлопотать о том, чтобы совершить по 70 покупок в год, они накупили бы на сумму 49 000 мил., да и без них была уже сумма покупок в 7000 мил.; значит, всего было покупок на 56 000 мил. Вот была бы штука! Ну-ко, о, мудрецы, рассудите, какая бы это была штука?

О, возблагоденствовала бы Россия, восклицают мудрецы: легко ли сказать, сумма торговых оборотов увеличилась бы в 8 раз! Да что же это такое, если не то, что страна сделалась бы в 8 раз богаче? Да тогда, я думаю, каждый мужик завел бы у себя золотые лапти, как г. Кокорев¹⁴.

Эх, мудрецы, мудрецы! все-то вы понимаете, кроме одной небольшой вещицы, называемой действительным ходом обыденной жизни мелких людей. Мелкие люди думают о провизии, о дровах, об сапогах. Подумайте-ка, количество этих вещей изменилось ли бы от великого движения, овладевшего сонными рублями? Может быть, понемногу оно и стало бы изменяться, — уменьшаться или увеличиваться смотря по обстоятельствам, о которых мы поговорим после¹⁵. Ну, а вдруг, скоропостижно, какая перемена произошла бы в количестве товаров? Да ровно никакой. Что, в самом деле, могло ли бы прибавиться количество хлеба до новой жатвы? Могли ли бы вдруг народиться пожилые быки и коровы, из шкуры которых были бы сшиты лишние сапоги? Значит, количество вещей осталось бы прежнее. Прежде оно переходило средним числом из рук в руки, положим, по два раза; значит, сумма вещей равнялась в действительности 3¹/₂ тысячам миллионов; при двух оборотах каждой вещи составлялась сумма сделок в 7000 миллионов. А теперь те же вещи должны войти в сделки на 56 000 миллионов, значит, каждая должна войти в

сделки гораздо большее число раз, значит, увеличилась горячка покупателей покупать, покупать; а покупатели горячатся покупать, — продавцы ломают цену небывалую: значит, цена вещей должна возрасти, — ну, хоть в два раза; тогда вещей оказалось на сумму 7000 миллионов и каждая прошла восемь раз через продажу, вот и составила сумма оборотов в 56 000 миллионов.

Ну, а что же страна? обеднела или обогатела? А откуда еще ровно ничего неизвестно, — должно быть, что никакой особенной перемены в богатстве страны не произошло.

Ну, а деньги как? с ними не было ли перемены? как же, с ними-то произошла перемена. Ведь товары вздорожали от горячности покупателей, и вздорожали, по нашему предположению, вдвое. Значит, это то же самое, что цена денег упала вдвое.

Подумайте теперь, отчего она упала? ведь количество денег не увеличилось и не уменьшилось. Так, но произошла перемена в характере отношений между деньгами и товарами. Прежде деньги посматривали на товары свысока, ухаживайте-ка за нами, говорили они товарам, а теперь сами принялись ухаживать за товарами, ну, и пришли у них в небрежение, и унизились пред ними.

Положим, что мы очень огорчены этим обстоятельством: жалко нам видеть, что такие эlegantные существа, как полумпериалы¹⁶ (ах, хоть бы на один из них полюбоваться хоть издали!), и кредитные билеты унижаются перед огурцами и говядиной, вяленой рыбой и салом, — какую перемену следует нам выпрашивать у судьбы, чтобы восстановилась репутация милых наших денежных знаков?

Явное дело, чего надобно просить у судьбы: да благоволит она пробудить в наших денежных знаках чувство сановитой важности, чтобы они считали неприличным для себя ухаживать за товарами, а держали себя чинно и спокойно.

Но когда же человек ли, кредитный ли билет, находящийся в руке человека, забывает сановитую важность, хлопочет, суетится, роняет свое достоинство? это бывает в случае нужды. Когда нет хлеба, поневоле суетишься. Стало быть, потеря достоинства происходит от нужды, а восстановиться она может не иначе, как устранением нужды.

Из примера, нами предположенного, видно, что упадок ценности денег может произойти без всякого увеличения в количестве денежных знаков; легко сообразить, что он может произойти даже и при уменьшении этого количества. В самом деле, пусть прежнее количество и прежнее обращение денежных знаков было таково:

700 миллионов рублей переходили в год из рук в руки по	
1 разу, значит, сделали покупок на	700 мил.
700 миллионов рублей переходят из рук в руки по 9 раз,	
значит, сделали покупок на	6 300 »
1 400 сделали покупок на	7 000 мил.

Пусть теперь количество денежных знаков уменьшится на 200 мил., по 100 мил. в каждом из двух разрядов; но пусть увеличится быстрота обращения, например, следующим образом:

600 миллионов рублей переходят из рук в руки по 2 раза и делают покупок на	1 200 мил.
600 миллионов рублей переходят из рук в руки по 18 раз и делают покупок на	10 800 »
<hr/>	
1 200 мил. делают покупок на	12 000 »

В этом случае ценность денег также упадет, несмотря на уменьшение в количестве денежных знаков, потому что быстрота их обращения увеличилась в большей пропорции, чем уменьшилось их количество: оно уменьшилось только на одну седьмую часть, а она возросла вдвое.

Что же такое? не надобно ли думать, что, когда увеличивается быстрота обращения денежных знаков, ценность денег непременно уже падает? Нет, это как случится. Мы брали такие случаи, что сумма продаж и покупок возрастала без увеличения в количестве товаров; увеличение хлопот деньгам происходило не от возрастания массы вещей, над оборотами которой они хлопочут, а просто от суетливости, овладевавшей покупателями вследствие нужды. Тут достоинство денег падает, как вообще падает достоинство всякого лица и предмета, когда он подвергается нужде. Но предположим обратный случай — что масса продаж и покупок возрастает, то есть возрастает и количество хлопот деньгам, иначе сказать, увеличивается быстрота их обращения не вследствие нужды, а вследствие увеличения массы товаров, то есть вследствие увеличения общественного благосостояния. Тогда выйдет история совершенно другого рода. Хлопоты деньгам увеличиваются не по их воле, а по усилившимся просьбам предметов, над которыми они работают; тут не деньги напрашиваются на работу, а товары напрашиваются к деньгам, значит, достоинство денег не только не падает, а еще поднимается. Вот пример.

Прежде мы полагали, что при сумме оборотов в 7000 мил. рублей количество товаров простиралось до 3½ тысяч миллионов рублей, так что каждая вещь проходила средним числом два раза через денежный оборот. Теперь положим, что количество вещей увеличивалось до 6000 мил., а сумма оборотов — до 9000 мил. Если количество денежных знаков осталось прежнее, то быстрота их обращения, конечно, увеличилась; но все-таки каждая вещь соприкасается теперь с деньгами только полтора раза в год средним числом, а прежде соприкасалась два раза; значит, денежные знаки, несмотря на увеличившуюся быстроту своего обращения, стали реже прежнего видаться с товарами, не так охотно прини-

мают на свидание с собой всякую вещь, желающую сделать им визит, стали менее доступны, более важны; а если так, то их ценность возвысилась.

Можно бы до бесконечности разнообразить эти примеры различного изменения в ценности денег при различии в обстоятельствах, производящих изменение в денежных оборотах. Но и приведенных нами примеров, конечно, достаточно для того, чтобы убедиться в главном принципе верных суждений по вопросам о денежном обращении: ни перемены в количестве денежных знаков, находящихся в обращении, ни перемены в скорости их обращения не могут сами по себе служить мерками для выводов о том, возвысилась или упала ценность денег. Она может возвыситься, хотя бы количество денежных знаков увеличилось, и может упасть, хотя бы оно уменьшилось; может подняться, хотя бы скорость их обращения увеличилась; и может упасть, хотя бы обращение денег замедлилось. Тот или другой из противоположных результатов явится в действительности, — упадут или поднимутся деньги в цене, зависит не от какого-нибудь формального критерия, вроде величины итога обращающихся денег или вроде соображений о скорости их обращения — этот результат зависит от характера реальных перемен народной жизни, — перемен, которые имеют лишь случайным своим последствием ту или другую переменную в количестве и обращении денежных знаков, — и которые могли бы при других условиях производить в этих формальных элементах совершенно другую переменную или не производить никакой. Тут, как и во всех делах, действительный результат зависит от сущности дела, а не от формальной его обстановки. Если реальная переменная действительного хода народной жизни такова, что денежные знаки должны упасть в цене, то они упадут, хотя бы не возросла ни сумма денежных знаков, ни скорость их обращения.

Из элементов, имеющих реальное значение в народной жизни и своими изменениями производящих, через посредство или без посредства перемен в массе или скорости обращения денежных знаков, перемены в ценности денег, мы указали один, очень многообъемлющий: количество производимых товаров. Но легко заметить, что под этою общею рубрикою соединяется множество разнородных фактов, которые надобно было бы разнести на много рубрик при точнейшем анализе. Масса производимых товаров не первоначальный элемент, а результат сочетания многих элементов, каковы, например: количество работающих рук, степень их усердия в работе, степень их искусства, степень предприимчивости, количество и достоинство материалов, над которыми совершается труд, количество и достоинство орудий (инструментов и машин) и т. д., и т. д. Кроме этих элементов, есть другие, которые не имеют такого прямого участия в работе над производимыми товарами, но точно так же определяют характер

экономической жизни народа, — например, народные обычаи и нравы, общественное устройство, законы и т. д., и т. д. — если бы сказать все, от чего зависит или чем составляется действительная жизнь народа. Каждая перемена в каждом из этих элементов отзывается переменою и в состоянии денежного рынка. Нет возможности перечислить все эти элементы, да и надобности нет в том, чтобы составить полный теоретический список их. Важность только в том, чтобы мы знали и исполняли общий принцип.